

Н.В. Полоусова

1848 год в восприятии И.С. Аксакова

Влияние европейских революций 1848-1849 гг. на русское общество не раз становилось предметом изучения историков литературы и общественной мысли. Естественно, прежде всего, речь шла об Анненкове, Герцене, Тургеневе и других писателях, которые стали свидетелями этих событий и отразили их в своих воспоминаниях. Но заслуживает пристального внимания и анализа отголосок этих событий и творчество такого своеобразного и значительного деятеля русской культуры, как И.С. Аксаков.

Осмысление этих событий вызвало к жизни одно из вершинных произведений его политической лирики – «После 1848 года». Думается, автор не случайно дал своему стихотворению такое название. Он хотел акцентировать, что оно включает в себя оценку не только революции 1848 г., но и того, что происходило *после 1848 года*. Напомним, что оно было написано 31 декабря 1850 г., т.е. через полтора года после поражения июньского восстания в Париже, которое воспринималось современниками как своего рода кульминационный момент происходившего на протяжении всего этого бурного года. Эти полтора года были насыщены важными событиями в России и в Европе. Мы постараемся показать, что эти события серьезно повлияли на славянофилов, в том числе и на Ивана Аксакова, и обусловили зримую эволюцию их позиций.

Заслуживает внимания и многозначительный эпиграф, взятый поэтом из Евангелия от Иоанна: «Иисус сказал: Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине, всякий, кто от истины, слушает гласа Моего. Пилат сказал Ему: чту есть истина?» [7, с.37-38]. Из этого диалога Аксаков предпослал своему стихотворению только ответ Пилата. Но, думается, Аксаков вложил частицу себя в уста обоих его участников. Он сначала был убежден, что родился и пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине, но затем, собственно, к моменту написания стихотворения, усомнился в ней и задался вопросом, чту есть истина. Конечно, это не более чем гипотеза, но она опирается на высказывания Аксакова, запечатлевшие те перемены, которые происходили в его сознании «после 1848 года».

Разумеется, позиция Аксакова и даже шире – его мироощущение, отразившееся в рассматриваемом нами стихотворении, может быть правильно понято и оценено в контексте всей идейной разноголосицы и борьбы, которой сопровождалось освоение уроков и революции, и послереволюционной ситуации. Материал, вместивший в себя эти процессы, колоссален и включает в себя огромное количество самых разнородных произведений и документов – от таких объемных, прославленных и изученных, как книга Герцена «С того берега» и «Парижские письма» Анненкова до бесконечного числа высказываний и оценок, рассыпанных в источниках эпистолярного, публицистического и мемуарного характера. Мы попытаемся отобрать из этого

материала лишь то, что непосредственно пересекается с мыслями и чувствами Аксакова, и совпадая, и расходясь с ними.

Начнем со статьи Тютчева «Россия и революция» [9, с.295-307]. На отношениях Аксакова и Тютчева мы в дальнейшем остановимся подробно, здесь же напомним только, что эти отношения делают несомненным тот факт, что статья Тютчева не только не могла пройти мимо Аксакова, но к ней было привлечено его особое внимание. Датированная 12 апреля 1848 г., она была написана, вернее, продиктована жене поэта Эрнестине Федоровне и представляла собой записку, поданную Николаю I после Февральской революции во Франции. По свидетельству Э.Ф. Тютчевой, «император читал и *весьма одобрил*» ее и «даже выразил пожелание, чтобы она была опубликована за границей» [7, с.233-234]. В мае 1849 она вышла в Париже отдельной брошюрой.

Существо тютчевской мысли сводится к следующему. «В Европе существуют только две действительные силы – Революция и Россия». Они обречены на неизбежную и непримиримую борьбу, от исхода которой «зависит вся политическая и религиозная будущность человечества» [9, с. 295]. Эта враждебность базируется, прежде всего, на религиозных началах: «Россия, прежде всего христианская империя; русский народ – христианин не только в силу православия своих убеждений, но еще благодаря чему-то более душевному, чем убеждения. Он христианин в силу той способности к самоотвержению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы. Революция – прежде всего враг христианства! Антихристианское настроение есть душа революции; это ее особенный отличительный характер».

Статья эта пророческая. В ней предсказано подавление царской армией революции в Венгрии: изо всех врагов России, утверждает Тютчев, Венгрия питает к ней самую озлобленную ненависть и это требует ответной реакции. Писал он и о «возможном крестовом походе против России», который стал реальностью с началом Крымской войны.

Трудно сказать с уверенностью, испытал ли Аксаков воздействие Тютчева или сам пришел к аналогичным заключениям, но в том же 1849 г., когда он прочел статью Тютчева, ему было предложено ответить на вопросы III отделения, и эти ответы проникнуты решительным неприятием революционных событий на Западе. «По моему мнению, старый порядок вещей в Европе столь же ложен, как и новый. Он уже ложен потому, что привел к новому, как к логическому, непреложному своему последствию (На полях Николай I написал: «Совершенно справедливо»). Ложные начала исторической жизни Запада должны были неминуемо увенчаться безверием, анархией, пролетариатством, эгоистическим устремлением всех помыслов на одни материальные блага и гордым, безумным упованием на одни человеческие силы, на возможность заменить человеческими учреждениями божия постановления... (Пометка Николая: «Святая истина!»). Не такова Русь.

Православие спасло ее и внесло в ее жизнь совершенно другие начала, свято хранимые народом». (Пометка царя: «Слава богу!») [1, с.500].

В каждом слове этого документа звучит незыблемая уверенность в том, что его автор знает, в чем состоит истина и готов отстаивать ее с беззаветным упорством. Эта уверенность укреплялась тем, что его окружали единомышленники, которые разными словами, но не менее решительно высказывали сходное отношение к революционным событиям на Западе. К. Аксаков считал, что настало время, «когда всякий должен понять, что нам, русским надо отделиться от Европы Западной, что верная порука тишины и спокойствия есть наша народность» [8, с. 149]. «При чтении газет иностранных чувство презрения беспричинно возникает в душе, презрения к этим Западным народам, и одно христианское чувство останавливает еще такой взгляд... Как пачкают эти Западные люди народность! Во-первых, у них нет настоящей народности; их народность искусственная, сочиненная, натянутая... Народное начало есть, по существу своему, антиреволюционное начало, начало консервативное. Такова народность Русская, народность истинная» [8, 151].

Однако последующее развитие событий неизбежно должно было вносить в видение их Иваном Аксаковым все более неумолимые коррективы. Испуганное волной революций в Европе царское правительство обрушивало на русское общество все более суровые репрессии. Начиналась пора, вошедшая в историю под названием «мрачного семилетия». Цензурный террор, гонения любой независимой мысли обострились до предела. Не обошли они стороной и славянофилов. То, что еще недавно казалось незыблемой истиной, затуманилось и стало вызывать вопросы и, прежде всего, самый коренной из них: «Что есть истина?». Его-то и вынес Аксаков в эпиграф к стихотворению «После 1848 года». Но дело не только в эпиграфе. Оно пронизано сомнениями, пронизано вопросами, оно все с начало до конца в сущности – мучительный вопрос.

О гордый ум! среди дерзостной надежды
Вдруг старым вновь ты словом поражен,
Что вечно здесь тебе удел невежды
Неведомой судьбою обречен.

Среди побед над силами природы,
Среди чудес, что всюду ты воздвиг,
Раскрыл ли нам ты таинство свободы,
Каким путем блаженства ты достиг?..

И мы, трудясь, трудам своим не верим,
И втайне мы не верим ничему;
Бежим ли в бой, на гибель?... лицемерим,
Назло себе, наперекор уму!

Где ж истина? Безмолвствует могила,
 Везде алтарь разрушенный стоит...
 Какая ж мир зиждительная сила
 Для жизни вновь и веры оживит?

Но слово есть...Любви, свободы света
 Оно создать пыталось дивный храм...
 Вполне ль оно дождалось ответа?
 Сдержало ль все, что обещало нам?

Иль на земле с землею примиренье
 И счастье дать не властно и оно,
 Й нам, живым, дарует утешенье,
 Что мертвым лишь блаженство суждено?..

Ты, целый век молившийся в пустыне,
 Ты в гробовой себя зарывший мгле,
 Святые все безумцы! Дайте ныне
 Ответ: где жизнь, меж вас иль на земле?..

И в праве ли или не в праве к счастью
 Стремиться здесь, средь мира человек,
 Он созданный ему безвестной властью,
 Он мучимый страданьем целый век?

В пещере ль жизнь? в пустыне ль примиренье?
 Вопросы те ужель не решены?
 Стремление, мученье и сомненье
 От века нам, как видно, суждены!.. [3, с.98-99].

Мы решили выписать из стихотворения Аксакова только те строфы, которые включают формулировки вопросов, над которыми бьется сознание поэта. Оказалось, что они составляют более половины текста – девять из шестнадцати. А ведь в некоторых из этих строф не один вопрос, а два и даже три. Неудивительно их решающее влияние на всю тональность стихотворения. Но из того, что «После 1848 года» было стихотворением-вопросом, автор которого задался страстным и напряженным поиском истины, вовсе не следует, что в нем не присутствовала своя и вполне определенная позиция. Посылая его родным, он писал: «Я сам знаю, что они как стихи не совсем хороши: все как-то тяжело и шероховато, совсем разучился писать... Но в некоторые разумные минуты можно прочесть их. Впрочем, они никак не могут быть всем понятны, необходимы комментарии. То, что для нас достаточно в намеке, другим не ясно» [7, с. 188].

Случилось, однако, то, чего Аксаков, по-видимому, никак не ждал: он не был понят собственным отцом, который с тревогой писал сыну: «Стихи твои мы получили. Ты просишь сказать о них мое мнение? Вот оно прямое и откровенное: я желал бы, чтобы ты никогда не написал этих стихов, но как они уж написаны, то прошу убедительно и приказываю строго *никому* их даже не читать. Я, конечно, не покажу их ни одному человеку. Ты знаешь, у тебя есть недоброжелатели: твои достоинства, твоя резкость, неуместная правдивость и откровенность успели вооружить многих. Неужели ты думаешь, что если стихи твои попадутся злонамеренному толкователю, то он не найдет в них обширного поля для обвинения тебя... Ты скажешь: от злонамеренных обвинений не уйдешь. Неправда: обвинения без факта останутся голословной клеветой, а некоторые слова в твоих стихах – факты» [4, с. 126-127].

Вдумаемся в это обвинение. Так недавно, можно сказать, только что Иван Аксаков излагал свое отношение к революционным событиям 1848 г. в ответах на вопросы III отделения, и царь писал на полях: «Совершенно справедливо», «Святая истина». Какими же значительными должны были быть изменения в этом отношении, чтобы из-под того же пера вышло стихотворение настолько крамольное, что его и читать никому нельзя, потому что оно дает «обширное поле для обвинения»!

Позиция, выраженная в стихотворении «После 1848 года», была настолько важна для Аксакова, что на отзыв и рекомендации отца он ответил решительно и резко: «Я очень люблю свои последние стихи, и меня огорчили Ваши слова «лучше, если б ты их вовсе не писал!» Мне кажется теперь, что я не мог бы их не написать, мне нужно было их написать, во что бы то ни стало. Это не просто потеха рифм. Я не понимал или так чужд всякого дурного замысла, что мне казалось невозможным перетолковать стихи в дурную сторону. В них выражается убеждение в бесплодности западных стремлений и требование веры. Право, я еще столько верю в правосудие в России, что не полагаю возможным подобное нелепое обвинение. Да я готов дать кому угодно нужное объяснение. Мне так кажется; может быть, я и ошибаюсь. Но все это мне очень тяжело» [2, с. 189-190].

Но вот что особенно интересно. Как для отца, так и для сына было несомненно, что это стихотворение получит поддержку не у друзей и соратников – славянофилов, а в противоположном лагере, у западников. Поэтому сам С.Т. Аксаков прочел его не кому-нибудь, а одному из самых убежденных и последовательных западников – И.С. Тургеневу. 26 января 1851 г. он писал сыну: «Тургенев выздоровел: он был у меня третьего дня, вчера и будет сегодня. Вчера я прочел ему стихи. Едва ли есть человек, который мог бы почувствовать их глубже во всех отношениях: это собственный вопль его души, выраженный только другим» [4, с. 128].

Если С.Т. Аксаков апеллировал к мнению Тургенева, то И.С. Аксаков надеялся на поддержку другого убежденного западника – Т.Н. Грановского. Он вполне отдавал себе отчет в том, что в своем, славянофильском, кругу он не

сможет найти понимание и поддержку. 18 января 1851 г. он писал родным: «С какой стати стал бы я середя людей, уверенных в силу и правоту своих убеждений, бросать свое слово, полное сомнения и иронии, как например, вышеприведенные стихи; или среди людей, порешивших для себя вопросы веры, являться со стихами 31 декабря (т.е. со стихотворением «После 1848 года» – Н.П.), с вопросами и сомнениями старыми, неуместными в том московском кругу, к которому я принадлежу, кругу, который не смущается вопросом, где истина, потому что уверен, что нашел ее. Мне легче было бы написать что-нибудь в «благонамеренном» (т.е. славянофильском, уместном «в московском кругу». – Н.П.) вкусе. Значит, они имеют основание во мне самом искренние... Вы пишете, что читаете мои стихи... Я не спрашиваю Вас, нравятся ли они, но – понимаются ли они? Я бы желал, чтоб их прочли Грановскому и вообще людям, у которых болела душа от 1848 года. Даже у Константина она не болела; он безо всякой внутренней душевной боли способен заклеить проклятием 9/10 человечества и давно не считает людьми бедные народы Запада, а чем-то вроде лошадиных пород. Оно, может быть, и так, но убеждение это полно для меня горечи!» [2, с.103-104].

Не менее красноречивой была реакция Аксакова на восприятие его стихотворения Тургеневым. Он писал: «Я очень рад, что Тургеневу понравились стихи. Они так серьезны, вопросы, в них заключающиеся, так многозначительны, что *здесь* решительно никто не мог понять из моих приятелей, что, разумеется, не мешает им быть славными людьми» [6, с. 196]. Но то, что, по мнению Аксакова, не понимают *здесь*, т. е. в среде славянофилов, то понимали и остро ощущали западники. Упомянутый в его переписке Грановский тяжело переживал не только поражение революций в Европе, но и последовавший за ними разгул реакции в России. «Положение наше становится нестерпимее день ото дня. Всякое движение на Западе отзывается у нас новою стеснительною мерою. Доносы идут тысячами... О литературе и говорить нечего. Есть от чего сойти с ума» [6, с.359-360]. Именно такое состояние отчаяния и безысходности вместили чеканные строфы Аксакова:

Пережита тяжелая година;
 Была борьба и пролилася кровь.
 Последних грез решалася судьбина...
 Но дряхлый мир не обновился вновь!

И вера в нем последняя разбилась!
 Он счастья ждал от мудрости земной –
 Она ему обманщицей явилась,
 А истины не видит он другой!...

О гордый ум! Средь дерзостной надежды
 Вдруг старым вновь ты словом поражен,

Что вечно здесь тебе удел невежды
Неведомой судьбою обречен [3, с.98].

Конечно, все это о событиях на Западе: там «была борьба и пролилась кровь», «дряхлый мир» – это Европа, а стих «Ты, на столбе стоявший тридцать лет», скорее всего, обращен к Наполеону, статуя которого стояла на Вандомской колонне, правда, несколько более долгий срок. И события переживаются как свои собственные, как происходящие с нами самими. Не так много времени прошло, после того как Тютчев написал статью «Россия и революция», но Аксаков кардинально разошелся с высказанными в ней мыслями, еще больше изменилось его эмоциональное отношение к происходящему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков И.С. Письма к родным 1848-1849/ И.С. Аксаков. – М.: Наука, 1988. – 670 с.
2. Аксаков И.С. Стихотворения и поэмы / И.С. Аксаков. – Л.: Сов. писатель, 1960. – 300 с.
3. Аксаков С.Т. Письма к И.С. Аксакову / С.Т. Аксаков // Русская мысль. – 1915. – № 8. – С. 110-131.
4. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: Кн. 1-22 / Н.П. Барсуков. – СПб.: Просвещение, 1888 – 1910.
5. Звенья. Сборники материалов и документов по истории лит-ры, искусства и общест. мысли / [ред. Влад. Бонч-Бруевич]. – М.; Л., "АсафІетіа", тип "Кр. Пролетарий", 1936. – Т. 6. – С.359-360.
6. Литературное наследство: [Сборник АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького] / [отв.ред. С.А. Макашин, К.В. Пигарев] – Т. 97, Книга 1.: Федор Иванович Тютчев. – М.: Наука, 1988. – 589 с.
7. Нифонтов А.С. Россия в 1848 году / А.С. Нифонтов. – М.: Учпедгиз, 1949. – 316 с.
8. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений / Ф.И. Тютчев. – СПб., Изд-во: Товарищество А.Ф. Маркса, 1913. – 389 с.

Анотація

У статті аналізується вірш " Після 1848 року ", в якому Іван Аксаков відображає своє ставлення не тільки до революції 1848 року а й до подій після 1848 року, які серйозно вплинули на Івана Аксакова і зумовили зриму еволюцію його слав'янофільських поглядів.

Аннотация

В статье анализируется стихотворение "После 1848 года", в котором Иван Аксаков отражает свое отношение не только к революции 1848 года, а к событиям после 1848 года, которые серьезно повлияли на Ивана Аксакова и обусловили зримую эволюцию его славянофильских взглядов.

Summary

The article analyzes the poem "After 1848," in which Ivan Aksakov reflects his attitude not only towards the revolution of 1848, but also to the events which occurred after 1848 and in its turn they affected Ivan Aksakov greatly and caused a visible evolution of his Slavonic views.